

Евгений Кисин рассмешил публику

КоммерсантЪ 8-2003-18 дек.
концерт классика

— с. 22

Евгений Кисин дал обязательный при вручении премии Шостаковича сольный концерт в Большом зале консерватории. О серьезном и смешном на концерте размышляла ВАРВАРА ТУРОВА.

Евгений Кисин с едва заметным раздражением реагирует на вопросы о своем золотом вундеркинстве. Один из лучших пианистов мира в сознании многих людей укрепился как бывший чудо-ребенок, в 12 лет гениально игравший концерты Шопена. Он выглядит сильно моложе своих тридцати двух и последние лет пятнадцать не меняет прически — пышной кудрявой шевелюры. Однако всей своей карьерой, поведением, игрой, манерой разговаривать Евгений Кисин пытается доказать, что вырос. Достаточно внимательно послушать его исполнение для того, чтобы убедиться — он играет совсем по-другому, чем раньше. Его игра, наивная, чистая и детская, приобрела основательность, опыт и даже мудрость. Исполняя Си-бемоль-мажорную сонату Шуберта, он говорит о таких важных вещах, что кажутся особенно обидными, неуместными и невыносимыми телефонные звонки в зале. Сорокаминутная Си-бемоль-мажорная соната, практически вершина сложности в фортепианной литературе, была сыграна Евгением Кисиным на одном дыхании, безупречно качественно, прекрасным, глубоким и нежным звуком. Листовские транскрипции песен Шуберта, среди которых знаменитая и потому одобренная радостными шуршаниями в зале «Песнь моя, лети с мольбою», пианист исполнил блестяще. Особенно удалась самая бодрая песня — «В путь», в которой возникло впечатление, что Евгений Кисин играет не на рояле, а на ксилофоне — так четко и весело отскакивали ноты от инструмента. Возникающее в следующей песне «Куда?» сомнение пианист изоб-

разил виртуозной сменой тембра — с живого, веселого и ясного звук изменился на матовый, приглушенный, чтобы окончательно потухнуть к последней песне — «Приют», сыгранной почти в трагической интонации. Правда, мелкая техника, переливы мажорных, светлых пассажей весь вечер удавались пианисту лучше драматических эпизодов. Это подтвердилось и в исполнении «Мефисто-вальса» Листа. Скачки на октавы в высоком регистре звучали так звонко, что многие в зале с трудом сдерживали радостный и какой-то почти детский смех. Добавило ощущение праздника редкое в этой большой виртуозной пьесе от начала до конца выдержанное вальсовое «раз-два-три». А уж когда после огромной сонаты, виртуозных пьес, как ни в чем не бывало сыгранной на бис сложнейшей Шестой рапсодии Листа пианист в качестве последнего, четвертого биса стал играть фортепианную обработку «Танца маленьких лебедей» Чайковского, публика смеялась уже в голос.

Евгений Кисин — своеобразный Лужин от музыки. Он несколько неловок, при разговоре медленно, с трудом подбирает слова, странновато, старомодно кланяется. Но как только рядом оказывается рояль, выражение его лица приобретает уверенность. Накануне концерта, на пресс-конференции, посвященной вручению пианисту премии Шостаковича за 2002 год, не успели еще договорить фразу «Не могли бы вы, Евгений, сыграть...», как он уже метнулся к инструменту. Он словно живет по-настоящему только в процессе игры. И ничто — ни бешеная, не сравнимая ни с кем другим любовь нашей публики к Евгению Кисину, ни премии, ни горы цветов и комплиментов — не может подсластить ему некоторое чуть заметное разочарование от того момента, когда стихает последняя нота.

Евгений Кисин чувствует себя уверенно только тогда, когда оказывается рядом с роялем ФОТО СЕРГЕЯ МИХЕЕВА